

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПУБЛИЦИСТИКЕ
В. АКСЕНОВА И Э. ЛИМОНОВА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ**

Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aulova83@mail.ru.

Статья посвящена политическому дискурсу в публицистическом творчестве писателей «третьей волны» эмиграции В. Аксенова и Э. Лимонова. «Третью волну» принято называть политической, поэтому в содержательном плане публицистика писателей-эмигрантов второй половины XX века насыщена политическими статьями и памфлетами. Политический дискурс рассматривается как вид институционального общения писателей-эмигрантов с эмигрантским, западным и советским читателем. Автор выделяет такие отличительные черты политической публицистики В. Аксенова и Э. Лимонова, как декламаторский стиль, идеологизация и деидеологизация, политическая агрессия, повышенная критичность, лозунговость.

Ключевые слова: писатели-эмигранты «третьей волны», политическая публицистика, политический дискурс, публицистика русского зарубежья, реализм, постмодернизм, политическая эпатажность, лексическое манипулирование

**POLITICAL DISCOURSE IN JOURNALISM
OF V. AKSENOV AND E. LIMONOV OF THE EMIGRATION PERIOD**

Bayбатырова Nailya M., D.Philol.(Philology), Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev St., e-mail: aulova83@mail.ru.

The article is devoted to the political discourse in the publicistic creativity of writers of the «third wave» of emigration Vasily Aksekov and Eduard Limonov. It is called the political, therefore, the content plan the journalism of writers-emigrants of the second half of XX century saturated with political articles and pamphlets. The political discourse is considered as a type of institutional communication writers-emigrants with the emigrant, western and Soviet reader. The author highlights the distinctive features of Vasily Aksekov's and Eduard Limonov's political journalism, as artistic style, indoctrination and the deideologization, the political aggression, the increased criticality, commitment to slogans.

Keywords: writers-emigrants of «the third wave», political journalism, political discourse, journalism of the Russian abroad, realism, postmodernism, political shocking, lexical manipulation

«Третья волна» эмиграции была добровольной и политической, поэтому публицистика писателей-эмигрантов второй половины XX века насыщена политическими статьями и памфлетами. Статьи на социально-политическую тематику А. Солженицын, В. Аксенов, А. Синявский, Э. Лимонов писали еще до выезда за рубеж и распространяли через самиздат. За рубежом их публицистика политической направленности стала более острой и открытой для читателя. Среди менее известных эмигрантов этого периода, причастных к публицистике, можно выделить В. Белоцерковского, Б. Хазанова, В. Чалидзе.

Сложились две противоположные точки зрения на концептуальные основы публицистики второй половины XX века. Одни исследователи считают, что «можно обнаружить сходство в постановке ряда проблем в произведениях эмигрантских писателей (А. Солженицына, В. Некрасова, В. Максимова) и их коллег по перу, оставшихся на родине (В. Гроссмана, например)» [11, с. 4]. И.М. Попова утверждает, что литература «третьей волны» – это порождение советских диссидентов, она во многом продолжала традиции «шестидесятников». Не соглашается с И.М. Поповой Д. Мышалова, высказавшая в книге «Очерки по литературе русского зарубежья» мысль, что

эмигрантская литература 1970–1980-х годов – «некое самостоятельное целое, принципиально отличающееся от российской литературы» [10, с. 156]. Сторонники этой позиции утверждают, что литература русского зарубежья становится не только весомым аргументом в идеологическом споре, который не утихает в обществе, но и выступает мощным фактором, оказывающим влияние на смену социальных ценностей и политической ментальности.

Однако внутри «третьей волны» эмиграции также не было и не могло быть единых политических взглядов и убеждений, возникали споры на тему советской идеологии и демократии, Востока и Запада, мировой политики. Полемика происходила в период, когда многие образцы прозы «третьей волны» стали уже классикой реализма (А. Солженицын, Г. Владимов, В. Максимов, В. Некрасов и др.) и авангардизма (В. Аксёнов, А. Синявский, Саша Соколов и другие). На оценку писателями-эмигрантами социально-политической обстановки в покинутой России и на Западе влияли не только идеологические воззрения, но и приверженность тому или иному литературному методу. Несмотря на многообразие и непохожесть политических воззрений и направлений литературно-критической мысли русского зарубежья второй половины XX века важнейшим критерием художественности выступает эффективность воздействия на воспринимающее сознание. Реализм А. Солженицына, В. Максимова, С. Довлатова, П. Вайля и А. Гениса во многом лишь идеологически были отличны от соцреализма. А авангардизм В. Войновича, В. Аксенова, А. Синявского осуществляли установку воздействия на сознание в крайних формах.

Постмодернизм русского зарубежья был предельно политизирован из-за постоянного обращения к советской тоталитарной действительности и эстетической борьбы с ней, развенчивая ее власти. Писатели-эмигранты постмодернистского направления сделали ставку на антитоталитарность, антиавторитарность, идеологически выраженные в антитоталитарности знаковой, языковой. М. Эпштейн в статье «Истоки и смысл русского постмодернизма», остроумно пародируя название работы Н. Бердяева, сопоставляет коммунизм и постмодернизм, обыгрывает расхожий идеологический штамп в утверждении: «Россия – родина постмодернизма» [16]. С точки зрения автора, есть ряд основополагающих черт, подтверждающих близость коммунизма и постмодернизма. Среди них – создание ирреальности, симуляция как замена реальности лозунгами, планами, плакатами, докладами, то есть превращение жизни в текст. М. Эпштейн также отмечает детерменизм и редукционизм как зависимость от идеологического языка, власть текста над личностью и жизнью, при этом в коммунизме подход классовый, в постмодернизме – знаковый, семантический. Характерны для коммунизма и постмодернизма игра цитатами, симуляция авторства и оригинальности, стирание граней между массовым и элитарным.

Политический дискурс статей и очерков писателей реалистического и авангардистских направлений русского зарубежья основывался на оппозиции советской идеологии. Исследователь феномена русской эмиграции О.К. Антропов справедливо замечает: «Всплеск интереса некоторых российских издательств и многих читателей к литературе и публицистике третьей волны не всегда объясняется ее художественными достоинствами, привлекательностью психологических портретов персонажей, а, главное, идеологической противоположностью эмигрантской прозы сочинениям советских писателей и поэтов...» [3, с. 351]. Рассматривая принципы философско-исторического познания в публицистике писателей третьей волны эмиграции, необходимо учитывать, что это, в сущности, по идейной направленности и содержанию во всех отношениях антисоветская публицистика. Писатели-эмигранты отвергали социалистический строй, прежде всего его идеологические нормативы, классовое мышление и критерии, лозунги. Однако в собственной политической публицистике они сохранили для себя ряд схожих с соцреализмом принципов: ярко выраженную тенденциозность в произведениях, прогнозирование (только вместо исторического оптимизма – пессимизм), повышенную критичность, претензию на абсолютную истину.

Рассмотрим элементы политического дискурса в публицистических произведениях В. Аксенова и Э. Лимонова периода эмиграции. Большинство их текстов были явно ориентированы на подрыв идеологических институтов в СССР. При этом обратимся к политическому дискурсу как многоаспектному и многоплановому явлению, совокупности речевых особенностей при выражении писателями-публицистами политических мнений и ведении ими политических дискуссий.

Политический дискурс в публицистических статьях В. Аксенова и Э. Лимонова выступал как вербальная коммуникация представителей эмиграции, читателей западной аудитории и бывших соотечественников – писателей, оставшихся в Советском Союзе. Этот вид институционального общения располагает системой конститутивных признаков и наделяется рядом функций. В. Аксенов и Э. Лимонов реализовывали основную задачу политического дискурса эмигрантов «третьей волны» – не просто «описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [6, с. 35].

В. Аксенова лишили советского гражданства, и он покинул СССР в возрасте 48 лет. Находясь в вынужденном изгнании, писатель более десяти лет, с 1980 по 1991 год, сотрудничал с радиостанцией «Свобода». Многочисленные очерки В. Аксенова были собраны под одной обложкой, составив книгу «Десятилетие клеветы: радиодневник писателя» [1]. Очерки представляют собой острый и своеобразный портрет умершей эпохи.

В. Аксенов был понятен не только русскоязычным читателям, его публицистику читали и читают во многих странах мира. «Западное общество намного внимательнее к нам», – признается писатель в интервью А. Глезеру в 1983 году, опубликованном позже в журнале «Стрелец» [4, с. 36]. Рассматривая своеобразие политического дискурса В. Аксенова, следует отметить образность и метафоричность. Например, в интервью он использует следующие обороты: «марксистские дьячки в Кремле», «марксистские джунгли», «андроповская группировка» [4, с. 36–38].

Обратимся к очеркам В. Аксенова, вошедшим в книгу «Десятилетие клеветы: радиодневник писателя». Уже с первых строк автор предстает хлестким прозаиком, убежденным антикоммунистом и западником. Слов в адрес всего советского с негативными коннотациями от очерка к очерку становится значительно больше. Доминирование социально-политической лексики с негативным коннотационным ореолом является для В. Аксенова не просто средством выражения собственного мнения, но и вызовом. Кроме того, в политическом дискурсе В. Аксенова активно реализуется такая функция, как лексическое манипулирование. Это происходит путем изменения значений слов либо через выбор определенных, зачастую запретных, табуированных слов для обозначения объектов. При этом используются такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений, свободная замена объективного субъективным, и наоборот. Иногда В. Аксенов бывает груб и прост в выражении собственных мыслей. «Надеюсь, на родине все-таки не вырастет снова тот сапожище, что когда-то дал мне пинок в зад», – признается он в одном из интервью, вошедших в книгу очерков «"Квакаем, квакаем...": предисловия, послесловия, интервью» [2, с. 240].

В очерках дискурс В. Аксенова предстает перед нами как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию пребывания эмигранта в Америке. Это речь с отчетливо выраженным социальным содержанием. Способ говорения писателя во многом предопределяет и создает предметную сферу политического дискурса, а также соответствующие ей социальные институты. В публицистике автора много сказано о переменах в российской жизни, поскольку они особенно были заметны для В. Аксенова, оторванного от нее с 1980 года. В очерках В. Аксенова, вошедших в книгу «Десятилетие клеветы: радиодневник писателя», происходит постоянное разрушение стереотипов – как идеологических, навязанных системой, так и созданных им самим. Работа на радио «Свобода», участвуя в телевизионных интервью, В. Аксенов неодно-

кратно заявлял, что он антисоветский писатель. Безапелляционность политического дискурса писателя оценивали по-разному: одни как предательство, другие как очередную «удочку с крючком» для читателя. Часто в публицистике В. Аксенова звучит горечь о происходящем на родине, смешанная с чувством надежды на исправление ситуации: «Серость захватывает позиции. Но тем не менее трудно предположить, что Россию так уж опустошат до конца. Ее трудно опустошить» [4, с. 38].

В 1990 году в беседе с исследователем литературы русского зарубежья Дж. Глэдом В. Аксенов признался: «Сегодня утром пришла новость, что будто бы Горбачев издал указ о возвращении гражданства всем лишенным. Если это подтвердится, то меняет ситуацию. Я уже не буду чувствовать себя врагом этого государства» [5, с. 82]. Побывав в России после десятилетнего изгнания, писатель удивлялся и восторгался новым свободам: «Политически нет никаких ограничений – полная свобода. Мы никогда не думали, что в культуре дела так далеко зайдут. Россия переживает поразительное время» [5, с. 83]. Активно участвуя в социально-политической жизни на протяжении многих лет, В. Аксенов с 1990-х годов пишет и говорит о необходимости отделения литературы от политики: «Раньше русский литератор всегда был вовлечен в политику. На него смотрели как на властителя дум. Он должен был заниматься устройством государства и прочим. Сейчас этого, слава Богу, не нужно делать. Пусть политики занимаются политикой. Освободите литературу от этого бремени» [5, с. 84].

Обращаясь к анализу политического дискурса в публицистических текстах Э. Лимонова, наблюдаем не просто субъективную оценочность, но и агрессивность. Следует упомянуть о причастности автора к политической жизни. Лидер запрещенной Национал-большевистской партии и автор нашедшей газет «Лимонка» всегда отличался собственным «политическим почерком». В русской эмигрантской прессе Э. Лимонов писал обличительные статьи, направленные против капитализма и западных ценностей. После выезда за рубеж он принимал участие в деятельности Социалистической рабочей партии США, в связи с чем неоднократно вызывался на допросы в ФБР. В мае 1976 года Э. Лимонов приковал себя наручниками к зданию газеты «New York Times», требуя публикации своих статей. В 1976 году московское издание «Неделя» перепечатало из «Нового русского слова» опубликованную в сентябре 1974 года статью Лимонова «Разочарование». Это была первая (и единственная до 1989 года) публикация Лимонова в СССР. После публикации этого материала в Советском Союзе следует увольнение его автора из «Нового русского слова».

Писатель не идет на поводу у общественного мнения, всегда имеет собственную, порой эпатажную точку зрения. В эмиграции Э. Лимонов позиционировал себя как единственный писатель русского зарубежья, живущий исключительно на литературный и журналистский заработок. Переехав в Париж в 1980 году, Э. Лимонов выпускает несколько книг в год, ведет постоянную колонку во французском оппозиционном еженедельнике «Интернациональный идиот». Во Франции он продолжает участвовать в оппозиционной деятельности, сближается с руководителями Французской коммунистической партии, пишет для партийного журнала «Революсьон». В 1987 году Э. Лимонов под давлением левой общественности получил гражданство Франции. В начале 1990-х годов он восстановил советское гражданство и возвратился в Россию, где вновь начал активную политическую деятельность. Зарубежная пресса давала разные оценки Э. Лимонову; так, французский журнал «Куа лир» назвал его «глобальным хулиганом», «планетарным панком», а его дискурс оценивают как «злой язык преследователя пороков общества изобилия».

Рассмотрим памфлет Э. Лимонова «Исчезновение варваров» [8], который позже дал название целой книге публицистики. Это произведение в жанре «политической фантастики», написанное в 1984 году для французского журнала «Зуду». В основу сюжета положена история о неожиданном исчезновении Советского Союза: «Президент вгляделся. Когда он поднял голову, взгляд его выражал отчаяние. "Господа министры! Члены кабинета! Присланные нашими американскими друзьями снимки,

сделанные с спутников над советской территорией, свидетельствуют непостижимое: Союз Советских Социалистических Республик... исчез с лица земли. На фотографиях видна только... "Белая плоскость, напоминающая свежесохший гипс..." – перебил Президента командир экипажа Аэрфранс 001» [8, с. 12].

Перед читателями предстает галерея комичных образов мировой политики: «Третьего октября по всем каналам ТВ транслировали долгожданное обращение Президента Соединенных Штатов к нации. На сей раз Президент явился народу в костюме популярного героя Дракулы, тщательно загримированный. Ночь перед выступлением Президент, как обычно, провел в холодильнике. Рядом с Президентом по правую руку от него находился новый государственный секретарь Соединенных Штатов экс-певец Майкл Джексон в костюме другого популярного национального героя Мики Мауса» [8, с. 46].

Автор использует смелые эпитеты и метафоры в отношении политических лидеров: «супермен оппозиции Жак Ширак», «мадам премьер-министр Англии, одетая в Эс-Энд-Эм, комплект-тройку черной кожи». Э. Лимонов смело играет символами и расхожими образами: «"Харакири" поместил на обложке фотографию стада черных козлов, символизирующих собой страны Восточной Европы и "третьего мира". Белые надписи по брюхам помечали козлов: Китай, Мозамбик, Польша, Вьетнам, Иран, Сирия, Ливия... "Какой из них? Свободному миру нужен новый козел отпущения. Может быть, Албания станет главным козлом отпущения для свободного мира?.. Нет, слишком мала... Такого удобного козла, каким был СССР, нам больше не найти..." – грустные размышления профессора Шарона комментировали фотографию» [8, с. 49].

В политическом дискурсе автора можно отметить и ноты патриотизма. Э. Лимонов заключает: «Проходили месяцы. Постепенно выяснилось, что русские, куда бы они ни исчезли, в ближайшее время возвращаться не собираются. Мир начал приспосабливаться к жизни без русских. И в процессе приспособления оказалось, что русские были всем нужны». Писатель утрирует и абсурдизирует ситуацию: «Журналам и газетам стало не хватать материалов. Но зато сексуальная жизнь французской интеллигенции сделалась куда более интенсивной. Франсуаза Саган на "Апострофе" объяснила этот феномен исчезновением Советского Союза» [8, с. 115].

Другое публицистическое произведение Э. Лимонова – книга «Дисциплинарный санаторий» [9], написанная в период французской эмиграции автора, – более агрессивна. Причем агрессивность Э. Лимонова нередко театрализована, полемичность направлена на внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего. В основе публицистической книги Э. Лимонова лежит метафора – уподобление современного «развитого» общества санаторию для психически больных. Антизападные настроения Э. Лимонов открыто проявлял не впервые. В 1976 году вместе с В. Пруссаковым и В. Бахчаняном он написал открытое письмо академику Д. Сахарову, в котором выступил против идеализации Запада. В книге «Дисциплинарный санаторий» Запад уподобляется пациенту, которого содержат и лечат в мягком и все же дисциплинарном климате. Писатель объясняет: «Уподобление понадобилось мне для создания эффекта остранения, для того, чтобы читатель поглядел бы на привычный ему окружающий его мир чужим взглядом (в данном случае моим – Э.Л.). Невиннее совсем еще недавно широко распространенного несправедливого уподобления СССР – ГУЛАГУ уподобление европейских (и европейского происхождения) обществ санаториям родилось, я признаю, в именно этой семье уподоблений: общество-тюрьма, общество-концлагерь. Почему бы не санаторное общество?» [9, с. 7]. Характерным для дискурса писателя является использование ненормативной лексики. Функциональная нагрузка политических оценок Э. Лимонова, выраженных в форме инвективной лексики, заключается в том, что мат служит средством вербальной агрессии писателя, понижения статуса оппонента. Нередко Э. Лимонов прибегает к инвективной лексике как «дуэльному средству».

Писатель поэтапно рассматривает «неограниченные возможности для манипуляции настроениями масс» [9, с. 163]. Книге «Дисциплинарный санаторий» присущи «ораторство», декламаторский стиль воззвания, расширительное употребление понятий, зачастую в ущерб логике. Нелестные суждения Э. Лимонов посвящает не только власти, но и народу, который автор емко обозначает английским словом «people». В отдельных главах прослеживается преувеличенная абстракция и наукообразие, в целом присущие советской политической и научной публицистике. Э. Лимонов не стесняется в выражениях, критикуя западное общество: «В своей атомной тишине западный европеец сделался высокомерен и самовлюблен. Он с упоением читает мораль странам и нациям и всей истории человечества, поощряя их только в тех случаях, когда их поведение копирует санаторное» [9, с. 167]. При этом мы наблюдаем лозунговость, агитаторский задор, превалирование «сверх-Я» автора.

Таким образом, общественное назначение политического дискурса публицистических произведений авторов-эмигрантов В. Аксенова и Э. Лимонова состояло в том, чтобы внушить адресатам – гражданам западного и советского обществ – необходимость «политически правильных» с их точки зрения оценок. Речь публицистики эмигрантских писателей второй половины XX века сама по себе «политически нагружена». Размышляя над устройством современного общества, судьбами России и Запада, представители русского зарубежья пытались быть отличными от советских писателей и представителей западной литературы. Политический дискурс в публицистических произведениях В. Аксенова и Э. Лимонова стал своеобразной формой протеста против советской идеологии. Писатели-эмигранты прославились не только радикальными политическими взглядами, но и особой парадигмой публицистического творчества. Цель их политического дискурса – не просто описать, а пробудить в адресате намерения думать и действовать не по шаблону.

Список литературы

1. Аксенов В. П. Десятилетие клеветы: радиодневник писателя / В. П. Аксенов. – Москва : Изографус : Эксмо, 2004. – 410 с.
2. Аксенов В. «Квакаем, квакаем...»: предисловия, послесловия, интервью / В. Аксенов. – Москва : АСТ, 2008. – 320 с.
3. Антропов О. К. История отечественной эмиграции : учеб. пос. / О. К. Антропов. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 409 с.
4. Беседа с Василием Аксеновым. Интервью А. Глезера // Стрелец. – 1984. – № 2.
5. Глэд Джон. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. – Москва : Книжная палата, 1991. – 319 с.
6. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. к 70-летию Т. М. Николаевой / под ред. В. Н. Топорова. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
7. Лимонов Э. Другая Россия: Очертания будущего / Э. Лимонов. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 270 с.
8. Лимонов Э. Исчезновение варваров: Статьи и эссе / Э. Лимонов. – Москва : Глагол, 1993. – 270 с.
9. Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий / Э. Лимонов. – Москва : Молодая гвардия, 1993. – 368 с.
10. Мышалова Д. Очерки по литературе русского зарубежья / Д. Мышалова. – Новосибирск, 1995. – 223 с.
11. Попова И. М. Путь взыскующей совести. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Владимир Максимов : монография / И. М. Попова. – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2008. – 276 с.
12. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия / Ю. А. Сорокин // Политический дискурс в России. – Москва, 1997. – 336 с.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов // Общие проблемы, метафора : учеб. пос. – Екатеринбург, 2003. – 194 с.

14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
15. Эпштейн М. Н. Идеология и язык / М. Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 19–33.
16. Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма / М. Эпштейн // Звезда. – 1996. – № 8. – С. 166–188.

References

1. Aksenov V. P. Desjatiletie klevety: radiodnevnik pisatelja. Moscow, Izografus Eksmo, 2004. 410 p.
2. Aksenov V. «Kvakaem, kvakaem...»: predislovija, posleslovija, interv'ju. Moscow, AST, 2008. 320 p.
3. Antropov O. K. Istorija otechestvennoj jemigracii: uchebnoe posobie. Astrakhan, Publishing House "Astrakhan University", 2011. 409 p.
4. Beseda s Vasiliem Aksenovyim. Interv'ju A. Glezera [Strelec]. 1984. № 2.
5. Gled Dzhon. Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezh'e. Moscow, Knizhnaja palata, 1991. 319 p.
6. Demyankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного jazyka [Jazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik k 70-letiju T. M. Nikolaevoj] / ed. V. N. Toporov]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2005. pp. 34–55.
7. Limonov E. Drugaja Rossija: Ochertanija budushhego. Moscow, Ul'tra. Kul'tura, 2003. 270 p.
8. Limonov E. Ischeznovenie varvarov: Stat'i i jesse. Moscow, Glagol, 1993. 270 p.
9. Limonov E. Disciplinarnyj sanatorij. Moscow, Molodaja gvardija, 1993. 368 p.
10. Myshalova D. Oчерki po literature russkogo zarubezh'ja. Novosibirsk, 1995. 223 p.
11. Popova I. M. Put' vzyskujushhej sovesti. Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ja: Vladimir Maksimov. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2008. 276 p.
12. Sorokin Yu.A. Politicheskij diskurs: popytka istolkovanija ponjatija [Politicheskij diskurs v Rossii]. Moscow, 1997. 336 p.
13. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika [Obshhie problemy, metafora: ucheb. Posobie]. Ekaterinburg, 2003. 194 p.
14. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. Volgograd, 2000. 431 p.
15. Epshtejn M. N. Ideologija i jazyk // Voprosy jazykoznanija. 1991. № 6, pp. 19–33.
16. Epshtejn M. Istoki i smysl russkogo postmodernizma // Zvezda. 1996. № 8, pp. 166–188.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В АНАТОМИЧЕСКОМ АТЛАСЕ НАЧАЛА XVIII В.

Веклич Марина Владимировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: mveklich@mail.ru.

Статья представляет основанное на фактическом историческом материале исследование концептуализации и вербализации анатомического знания, метафорической номинации как одного из способов создания русского анатомического словаря начала XVIII века.

Ключевые слова: метафора, метафорическая номинация, метафорическая модель, источники метафорической номинации, когнитивная функция метафоры